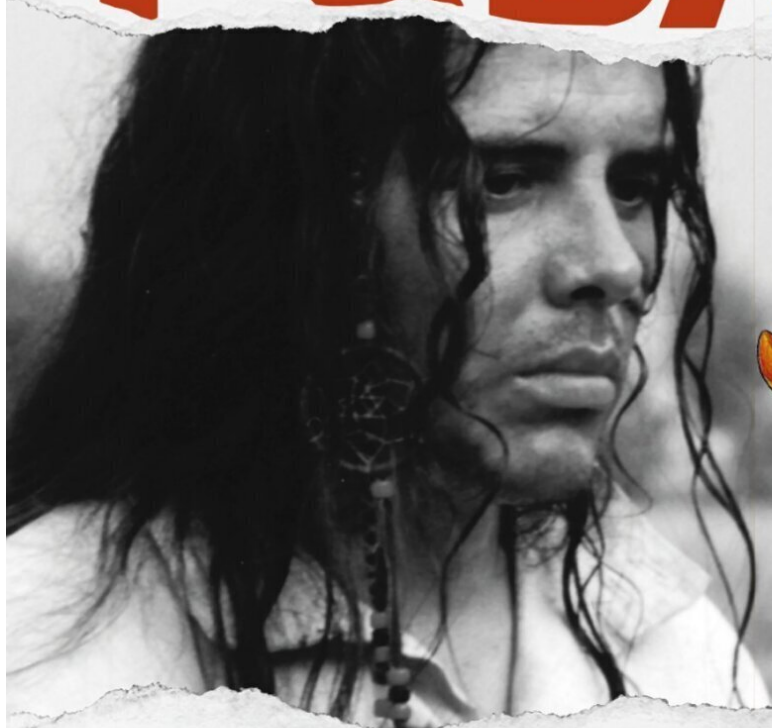

Щиора вытиски в бие
Своими криками "В салоп!"
Закрутив упряжь, под бели ставил лоб
Горб расейский с копытами дикими
На миге сажу яряе
Развела бы надежду в слезах
Пестротой Ермен?

Дмитрий Ревякин

Калинов Мост

Избранные песни и стихи с комментариями

Март Баба Битис сина жееге
 Цагцунтуканней и зүйи
 К Индигенет порыван пофоз
 А В заботих днх поменей / Сама
В хрине вродает подожер / На кон Вейвобу
 располняйтся / Пробса

Русский рок. Поэзия. Легенды

Дмитрий Ревякин

**Дмитрий Ревякин. Избранные
песни и стихи с комментариями**

«Издательство АСТ»

1983-2021

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Ревякин Д.

Дмитрий Ревякин. Избранные песни и стихи с комментариями /
Д. Ревякин — «Издательство АСТ», 1983-2021 — (Русский рок.
Поэзия. Легенды)

ISBN 978-5-17-152211-7

Лидер легендарной сибирской группы «Калинов Мост» Дмитрий Ревякин занимает среди поэтов русского рока особенное место. С формальной стороны это проявляется хотя бы в том, что его поэтические тексты, как заметили исследователи, далеко опережают всех остальных наших рокеров по лексическому разнообразию. Не в последнюю очередь тут сказалось увлечение Ревякина историей, а также поэзией реформатора русского языка Велимира Хлебникова. Дмитрий Александрович Ревякин, которого поклонники уважительно и с очевидным намеком называют «ДАР» — настоящий наш сибирский самородок. Выросший в далеком Забайкалье, огромный пласт песен написавший на краю земли — между океаном и вулканами Камчатки, он вобрал в себя энергии и смыслы необъятного евразийского пространства бывшего Советского Союза и создал свой неповторимый поэтический язык. Многие, даже далекие от отечественного рока наши соотечественники слышали его песню «Родная». Однако не все знают, что помимо более чем двух десятков альбомов с «Калиновым Мостом» и сольных, он еще и автор шести поэтических книг. Произведения из всех этих изданий представлены в настоящем сборнике. Тексты песен впервые расположены не по альбомным циклам (знаменитые «Выворотень», «Дарза», «Узарень», «Пояс Ульчи», «Оружие» и т.д.), а в хронологическом порядке с указанием дат и места написания, так что становится очевиден общий генезис многих произведений, выход которых в свет порой разделяли десятки лет. Более того, многие тексты еще до сих пор неизданных песен публикуются впервые, а ведь целый ряд таких «новинок» относятся к теперь уже классическому периоду творческого расцвета Ревякина «девяностых» годов. В книгу вошли редкие фотографии, черновики, автографы поэта.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-17-152211-7

© Ревякин Д., 1983-2021
© Издательство АСТ, 1983-2021

Содержание

Часть 1. Песни	7
Глава 1. «Надоест нам суета...» (1983–1988)	7
Глава 2. «Я сделал шаг на Калинов мост...» (1986–1988)	20
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Дмитрий Ревякин
Дмитрий Ревякин. Избранные
песни и стихи с комментариями

© Д. А. Ревякин, текст, 2023

© Е. В. Богачков, составление, комментарии, 2023

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Часть 1. Песни

Глава 1. «Надоест нам суета...» (1983–1988)

Я жду, когда ты придёшь
Я мысленно вижу твоё лицо,
Я пытаюсь тебя рисовать.
Ты что-то мне тихо шепчешь во сне —
Я стараюсь тебя понять.
Сон уходит вместе с ночным теплом —
Меня пробирает дрожь.
Я открываю настежь дверь —
Я жду, когда ты придёшь.

Я ищу тебя ночью и солнечным днём,
Я гляжу встречным феем в глаза.
Я готов пригласить из них каждую в дом —
Но никто не похож на тебя.
А может, ты в синих лесах живёшь,
В доме, сплетённом из роз?
Я открываю настежь дверь —
Я жду, когда ты придёшь.

В моём саду так много цветов —
Я их все подарю тебе.
И ты опьянеешь от запаха трав,
И уснёшь на моём плече.
И чтобы друг друга лучше узнать,
Мы выйдем с тобой под дождь.
Я открываю настежь дверь —
Я жду, когда ты придёшь.
Осень 1983 г., Новосибирск

Милая моя (Santimento)

*Окочке*¹

Милая моя, ты далеко,
Нас разделяют степи, леса.
Ненастье саваном легло,
Темнеют небеса.
Милая моя, ты далеко,
В снегах дымятся сотни вёрст,
Неверный лёд блестит рекой,
Мерцают гроздья звёзд.

¹ Ока, Окочка – неологизм Ревякина, уменьшительно-ласкат. от Ольга (имя любимой девушки, а затем супруги Ревякина, которая и предложила для его группы название «Калинов Мост»), а также имя музы Ревякина, часто встречающееся в его стихах.

А вздохи и взоры, слов небылицы
Сердце моё теребят.
Я улыбаюсь солнечным лицам,
Но вижу только тебя.

Милая моя, тоска-печаль
Ночами гложет – не до сна.
Тревогой теплится свеча,
Укор таит весна.
Милая моя, за всё прости,
Былые слёзы позабуди.
Зовут кремнистые мосты,
Искрится древний путь.

Милая моя, игра огней,
Нектар свиданий, твой лучистый взгляд
Ведут меня сквозь вихри дней,
И в мире нет преград.
Милая моя, поверь в меня.
Милая моя, прости меня.
Милая моя, встречай меня.
Милая моя...
Октябрь 1984 г.

Самим собой

Юрию Наумову

Только бы остаться самим собой,
Встретить отрешённо холод и зной,
И не испугаться дрём-голосов,
И не захлебнуться в омуте снов,
И не затеряться в пляске теней,
И не оступиться в пропасти дней.

Только б не сломаться под тяжестью слов,
Буднями умыться в редкий улов.
Выплакать ночами горечь утрат,
Заново дивиться зелени трав.
С небом породниться песней орла,
Взвесить небылицы мерой узла.

Сжечь в огне смятений подлость и ложь.
К чёрту разговоры, не проведёшь!
Выстудить ветрами сумерек страх
И развеять пепел выгод и благ,
И не подавиться горькой молвой...
Только бы остаться самим собой.
Октябрь 1984 г.

Надоест суета

Надоест нам суета —
Мы покинем города,
И зелёные леса нас поймут.
Улыбнутся нам поляны
Родниковыми глазами,
Птицы лёгкими крылами
Унесут
В край полуночных блужданий,
Тишины и нежных слов,
Заколдованных терзаний
И твоих счастливых слёз.
Кто-то там под облаками
Машет гибкими руками
И в берёзовые дали нас зовёт.
Очаруют нас снега,
И обманет шум дождя,
И ожившая душа запоёт.

А когда прозрачный вечер
Нам напомнит о себе,
И серебряные плечи
Замерцают в темноте, —
Улыбнёшься ты устало,
Ты не думала, не знала.
Тайной грустью провожала
Дней обман.
Под неведомые звуки
Ты протянешь звёздам руки,
И печаль душевной скуки
Растворится, как туман.
Ты заплачешь от восторга
И откроешь в сердце окна,
Мне шепнёшь ты осторожно:
— Я проснулась!
Смоешь пыль чужих сомнений,
Блеск придуманных веселий,
Лужи мёртвых откровений —
Ты вернулась...
Надоест нам суета...

Октябрь 1984 г., Новосибирск

Росой крепить обряды

Росой крепить обряды
Растаял долгий день.
Позвал вечер Айрата
Помолвить тенью тень.
Где камни стон глотали
Мятежный, неземной,

Где ивы песнь рыдали
Протяжно и сумно².

Пустынною тропую,
Разлуками клеймён,
Спешишь молвой приборя
Держать огонь имён.
Глотаешь жгучий воздух,
Зарницы выют уста.
Ведут седые звёзды,
Покой звенит узда.

Где Ветер, вещий странник,
Сулит наградой плетъ.
Где ночь пугливой ланью
Ревниво прячет след.
Ноябрь 1984 г., Новосибирск
Декабрь 1996 г., Москва

Пойдём со мной

Пойдём со мной, бежим со мной,
Летим со мной, летим.
Рискни, приятель, пусть ворон каркал —
Чёрт с ним.
Забудь о прошлом, я вижу весны,
Нам — к ним.

Ночной тропую, встречая зори,
Купаясь в облаках.
Преград не зная, тоску сжигая
В кострах.
Навстречу Солнцу, вернуть колодцам
Тьму-страх.

Я с выюгами прощаюсь,
Я с Солнцем обнимаюсь, —
Пойдём со мной!

Я выбираю дорогу к маю
Среди холодных дней.
Пусть снег блестит, во мне звенит ручей.
Дышу весной, пойдём со мной
Скорей.
Пойдём!

Пойдём со мной, бежим со мной,
Летим со мной, летим.

² *Сумно* – (южнорусск.) задумчиво, печально.

Рискни, приятель, пусть ворон каркал —
Чёрт с ним.
Я слышу птиц, я вижу птиц,
Нам – к ним!
Пойдём со мной!
Декабрь 1984 г., Новосибирск

Покориться весне

Робину – художнику и гуманисту³
Вздвогнув, застынут часы —
Это знак вдохновенья.
Чувствуя запахи трав,
Ты не сможешь спокойно вздохнуть.
И когда вдалеке протрубит
Серебряный всадник,
Ты, догоняя ветра, отправишься в путь.
Ужин в покинутом доме
Будет грустным и поздним.
Мать и отец не дождутся
Сына к столу.
В предрассветном покое
Они вдруг услышат слабые звуки —
Это птицы запели в саду,
Покоряясь весне...

Вечер настигнет тебя,
Умоляя уснуть.
Ты остановишь коня
У безмолвной реки.
В сонной прозрачной воде
Засмеются русалки,
Предлагая испить
Сладкую чашу любви —
Покориться весне.

Звёзды, мерцая вдали,
Вспыхнут чуть ярче.
Мраморный свет на воде —
Это тайна Луны.
Нежно-сиреневый дым —
Это волшебный напиток.
Наглотавшись его,
Ты вспомнишь забытые сны —
Покоришься весне...
Март 1985 г., Новосибирск

³ *Робин* — прозвище художника Владимира Распутина, друга детства и одноклассника Ревякина, оформившего целый ряд его книг и альбомов КМ (здесь и далее – группа «Калинов Мост»).

Отношения

Наши отношения – гремучая смесь
Из объятий, проклятий и нервов.
Ночные превращения – сбитая спесь,
Наглость рук, верность губ на мгновение.
И изысканность фраз, и сумятица ласк —
Мы считали часы до рассвета.
И при свете Солнца терзали себя:
Зачем, для чего всё это?

Кто расскажет, о чём мы грустили вдвоём?
Ты скрывала, я тоже молчал.
Дети ранней весны любовались собой,
Ревновали игрою чар.
Оставалось без страха нарушить табу
И наградой идти навстречу —
Но поверь, дорогая, ни ты и ни я
Не способны судьбе перечить.

Ты пойми, что нельзя, отдаваясь Луне,
Закрывать в подземелье мечты.
Что я сделал, скажи, в эти синие дни,
Чтобы ты погасила огни?
Я хотел захлебнуться в твоих руках,
Обо всём на земле забыть.
Я мечтал утонуть в глубине твоих глаз —
Но кто знал, что сказке не быть.

Возвращаться к себе из омута снов
Нелегко, но глаза сухи.
Мы сожжём безумные ворохи слов,
Мы забудем былые стихи.
Ты прости, оказался сильнее лёд,
И напрасно звенела струна.
И когда мы расстанемся, ярче вспыхнет день
И вздохнёт с облегченьем Луна.
Весна 1985 г.

Мелодия голых ветвей⁴

Ветер швырял пожелтевшие листья,
Дождь становился наглей.
Снег укрывал побледневший асфальт —
Город встречал снегирей.
Дни протекали, как сонные реки,
Теряясь во мраке ночей,
Ручьи прозвенели и мне донесли
Мелодию голых ветвей.

⁴ Текст песни написан вместе с институтским другом Ревякина Евгением Витенбергом.

Письма писались, стихи сочинялись,
Сны обнимали нежней.
Руки тянулись к любимым рукам
Сквозь километры огней.
Утренний мозг вдохновенно писал
Праздники будущих дней.
Задумчивый Лель одиноко играл
Мелодию голых ветвей.

Аэропорт приветствовал гостя
Песней весенних дождей.
Ночь коротка – в предчувствии встречи
Минуты бежали быстрее.
Мы были склонны видеть богов
Лишь в зеркале, в блеске свечей.
Ты улыбалась – а рядом звенела
Мелодия голых ветвей.

Ангара, как и прежде, светла и чиста,
Быстр и могуч Енисей.
Птицы без устали славят Венеру,
Снова весна – и я с ней!
Ты должна знать – преследовал долго
Взгляд твой в оправе теней.
Я вновь влюбился, и мне часто снится
Мелодия голых ветвей.
Май 1985 г., Бердский залив

Моя песня

Моя песня – лёгкая и светлая,
Она как ясный месяц в облаках.
Она ветрами отдыха не ведает,
Моя песня – в звонких бубенцах.

Моя песня – ходят девки по воду,
Моя песня – тройку запрягай.
Моя песня – вызов злему врагу,
Моя песня – спуску не давай.

Моя песня – пыльная дороженька,
Она поможет страннику в пути.
Моя песня – белая берёзонька,
Нетленный русский символ красоты.

Моя песня – мчатся санки с горочки,
Моя песня – шумный хоровод.
Моя песня – вдоль по речке лодочки,
Моя песня – дел невпроворот.

Моя песня – силушка былинная,
Она любого гада/хама вразумит.
Моя песня – стая журавлиная,
Она домой торопится-летит.

Моя песня – горе-слёзы матери.
Моя песня – медные года.
Моя песня – траурные скатерти,
Моя песня – память навсегда.
Осень 1985 г., Новосибирск

Не скучай⁵

Не скучай, день настанет —
Я к тебе вернусь.
Не вздыхай, Солнце встанет, —
В двери постучусь.
Обещай, как и прежде,
Ждать моих вестей.
Я вернусь, со мною вместе
Ворох новостей.
Станет Солнце ярче,
Станет день светлей.

А пока отправляюсь
В дальние края.
Не держи, ты же знаешь:
Где весна, там и я.
Собирай в путь-дорогу,
Слышишь – дождь зовёт.
Посидим с тобой немного —
Пусть мне повезёт.
Пусть мне Солнце ярче,
Пусть чуть-чуть светлей.
Не скучай!
Март 1986 г., Новосибирск

Девка красная

Сиди дома, не гуляй,
Девка красная.
Хмарь на улице стоит,
Хмарь заразная.
Да и если выкатит
Красно-Солнышко,
Не гуляй – пропадёт
Воля-Волюшка.

⁵ Песня (как и следующая «Девка красная») написана автором к собственной свадьбе.

Молодцы усатые
Ходят там и сям.
Позабавиться хотят —
Видно по глазам.
Выжидают день-деньской,
Терпеливые.
Приоделись, петухи
Горделивые.

Твоего соколика
Что-то не видать,
Голоса знакомого
Что-то не слышать.
Не идут его сваты
Толковать с отцом,
Породниться не зовут
Свадебным венцом.

О-ё-ё-й, как вы длинны,
Тёмны ноченьки!
Потускнели, приуныли
Ясны оченьки.
Видно, суждено тебе
Горе-горюшко,
Быть немилому женой —
Доля-долюшка.

А если так,
Сиди дома, не гуляй,
Девка красная.
Хмарь на улице стоит,
Хмарь заразная.
Да и если выкатит
Красно-Солнышко,
Не гуляй – пропадёт
Воля-Волюшка.
10.04.1986 г., Новосибирск

Девочка летом⁶
Девочка летом слушала гром.
В становье молний писала альбом.
Огненный берег, заспанный плёс,
Скрип акварели, шелест берёз.

Синие джинсы, трепет шелков,
Вкус поцелуя, запах духов.

⁶ Текст написан на музыку американского блюзмена Дж. Дж. Кейла по просьбе первого гитариста КМ Дмитрия Селиванова. За основу взяты воспоминания о детстве жены Дм. Ревякина Ольги.

Девочка верит: с ним хоть куда.
Юные планы, на двоих – тридцать два.

Время пришло, в глазах испуг.
Его отправляют солдатом на юг.
Страшно подумать: придёт – не придёт?
Девочка любит, девочка ждёт.
Апрель 1986 г., Новосибирск

Сансара⁷

Я вышел из подъезда,
Я посмотрел на небо,
Я удивился звёздам,
Подумал: «Что за небыль!»
Расправив ворот куртки,
Вздыхнул легко и просто.
Сказал знакомым лицам:
«Все – на Коровий остров!»⁸
О, Сансара!

Нас не пугает темень,
Мы знаем – будет лучше.
А ну-ка, круг плотнее,
Костёр запалим круче!
Ну, а теперь все разом
Возьмём друг друга руки,
Чуть дым задержим в лёгких —
Святые примем муки.
О, Сансара!

Ворчит рыбак усталый,
Но мы не слышим это.
Роса готова падать,
А мы с тобой раздеты.
Меня давно целуют,
Я слышу пряный голос,
Нам хорошо в объятьях,
Горит под нами хворост.
О, Сансара!

Пришла пора прощаться,
Нас кто-то нервно будит.
Я на прощанье крикну:
«В субботу – здесь же, люди!»
10.05.1986 г., Новосибирск

⁷ Песня написана от безумной радости: друг вернулся с Афгана живым. Авторство достаточно условное – пел весь круг общежития № 1 НЭТИ.

⁸ *Коровий остров* – остров на реке Обь в Новосибирске.

Уходили из дома

Волос пахнет костром,
Ветви стали шатром.
Волос пахнет костром,
Небо греет шатром.
Это было тогда,
Когда мы уходили из дома.
Времена,
Когда мы навсегда уходили из дома.

Теплота твоих рук
В ожиданье разлук.
Теплота твоих рук
Обещаньем разлук.
Это было весной,
Когда мы уходили из дома,
Времена,
Когда мы навсегда уходили из дома.

Не ищи меня, мать, —
Ушёл день обнимать.
Ты прости меня, мать,
Пропал ночь обнимать.
Чья беда, что мы все навсегда
Уходили из дома.
Времена,
Когда мы навсегда уходили из дома.
01.06.1987 г., Барнаул

Не плачьте, мама

Не плачьте, милая мама,
Сон – словно тонкая нить.
Рассвет крадётся упрямо,
И жалко сына будить.
Его ждут синие горы
И бесконечный простор.
Ведут немые укоры
Пустой разговор.

Не плачьте, милая мама,
Прощанье будет без слов.
Искрится древнее пламя,
Покорно правде узлов.
Лишь небо встанет зарёю,
Могучий солнечный луч
Пойдёт за сыном землёю
Найти горный ключ.

От буйных Ветров,
От юных сердец,
Где в камень стекает награда.
От взгляда богов,
От лада струн вещей,
Где каждый день петь ему надо.
Где тают ручьи —
Уносят гордыню вон.
Где стоны ничьи —
Колокольный звон.
Где зимы согреты
Дыханием нашим.
Где светится лето
Всё краше и краше.
Лето 1987 г., 26.06.1996 г., река Онон

Я уйду в никуда
Брось прахом, что стесняет кожу,
Свяжи разорванные сны.
Напаль колючую рогожу —
Не бойся выглядеть смешным.
Ремнями ветреной проказы
Укутай смуглое плечо.
Дитя Великого отказа
Вскрывает день своим ключом.

Забудь докучные уроки,
Забудь, уставу вопреки.
Шепни таинственные строки,
Проси совета у реки.
Наполни лёгкие дорогой,
Губами тронь пыли настой,
Зажми в руке щепу порога,
Теперь вперёд лети – не стой!

Мама, я уйду в никуда...
Проводит в путь суровый ворон,
Три раза осенит крылом.
Покров в неведомое сорван —
Я уйду...

Брось прахом, что скрывает тело,
Останься голым под дождём.
Крылатых стая улетела.
В миру прощенья не ждём.
Умойся росами степными,
Укройся травами в ночи,
Завидууй, кто в пути остынет,
Жалей, кто камнем век влачил.

Январь 1988 г., Новосибирск

Глава 2. «Я сделал шаг на Калинов мост...» (1986–1988)

Отец работал

Отец работал с утра и до ночи.
Он так хотел, чтобы кроха-сыночек
Одет был модно и кушал сладко,
На чужое добро был не падкий.
Труд – основа всего.
Спасибо, папа!

Мама-учитель внесла свою лепту
В формирование интеллекта.
Не ахти какого – я не вникал,
Но мама вдолбила – кое-что я узнал.
Читай больше, сынок!
Спасибо, мама!

Птенец подрос, ступил на карниз,
Взмахнул крылами и бросился вниз.
Электротехнический институт
Гостеприимно кричал:
Тебя здесь ждут!
Добро пожаловать, парень!
Спасибо, Минвуз!

Я учился, но брат рок-н-ролл
Меня вкривь и вкось перемолол.
Я осмелел, стал наглее в речах,
Ещё бы чуть-чуть —
И мой корень зачах:
Ветер шумел в голове.

Но человек со стальными очами
Сказал: «Сколько можно дышать мелочами.
Пора различать, кому поклоняться,
Кому подпевать, ну а чем гнушаться.
Шире разуй глаза!»
Спасибо ему!

А я был юн, продолжал улыбаться.
Я крепко верил в весёлое братство
Гитар, длинных волос, цветов,
Крутых скандалов, уверенных ртов.
Я любовался собой.

Бежали дни, летели года.
И шло бы так дальше, но вот беда:
Я не могу по ночам засыпать —

Один вопрос не даёт мне спать:
Что нам поют?

Я сделал шаг на Калинов Мост,
В руках дубина, в мыслях – авост⁹.
Я бросил вызов стандартам эфира, —
Пусть содрогнётся имя кумира!
Март 1986 г., Новосибирск

Дудки

Дудки поют у меня в голове,
Я в облаках: лю-ли-лю.
А в эфире засели пройдохи-враги, —
Это мне не по нутру.

Как понимать текущий момент,
Куда же смотрит начальство?
Целенаправленно мозги заправляют,
Это больше, чем наше нахальство.

Есть, чем гордиться, с кого брать пример:
Дед мой сгорел в Сталинграде.
Отец-работяга строил дома,
За труд представлен к награде.
Я – честный парень, таких миллионы,
Мы гордимся своим Отечеством.
Но чувствуем кожей, как нас отравляют,
Едва расстались с младенчеством.

О-о-о, где моя песня?
Я потихоньку сдвигаюсь.
Нужен отпор на культурный террор, —
Злобою переполняюсь.

Мама кормила меня молоком:
«Спи до утра: баю-бай.
Подрастёшь, по земле ступай в полный рост,
Гордым будь, не прозябай!».
Солнцем палимая, Ветром гонимая,
Где моя песня, ответь?
Понесу в горле ком поутру в исполком —
Нет больше мочи терпеть.
Пусть объяснят, до каких это пор
Будут нагло картавить экраны?
Что мне читать, что мне глотать?
Пусть забинтуют мне раны.

⁹ *Авост (аварийная остановка)* – (устар. комп.) прекращение выполнения программы при сбое или фатальной ошибке. Вариант строки: «В руках дубина, в мыслях – авось».

О-о-о, где моя песня?
Сколько же можно искать?
Нужен отпор на культурный террор,
Хватит нас за нос таскать.

О-о-о, где моя песня?
Сколько же можно искать?
Нужен отпор на культурный террор,
Хватит в бирюльки играть!
Весна 1986 г., Новосибирск

С боевыми глазами

С боевыми глазами, с перекошенным ртом
Вырывались из тьмы, не заботясь о том,
Что нарушили мерные струи
Чужого веселья.
Вдохновлённые Солнцем, окрылённые Ветром,
Раздирали бока, раны сыпали пеплом,
Проклинали угрюмые годы
Тупого безделья.
Благородным порывом загорались юнцы:
Разбивались замки, раскрывались ларцы, —
Испарялись последние капли
Дурмана-похмелья.

Мы пробудились от долгого сна:
Слух режут звуки тревоги.
Кто охранял наш покой,
Кто нам строил берлоги?
Кто?!

По крупицам, по крохам собирали былое,
Справедливым ножом отсекали гнилое,
Вековую завесу срывали
Своими руками.
Узнавали такое, от чего стыла кровь,
Разрывались от боли, покидали свой кров,
На звериный, злорадный оскал
Отвечали плевками.
Утопали в трясилах, разбивались в горах,
Но всегда воскресали – нами движет не страх:
Мы хотим прикоснуться к истокам
Сухими губами.

В диких просторах стелется дым,
Реет вдали наше знамя.
Пусть содрогаются – зреет в сердцах
Злое пламя.

Май 1986 г., Новосибирск

Надо было¹⁰

Надо было быть чуть жёстче,
Целеустремлённей и злей.
К внутренним запросам попроще —
На ноги вставать побыстрей.

Надо было не распыляться,
В суете себя не искать.
Надо было в суть углубляться,
А не по вершушкам скакать.

Надо было быть прозорливым,
Силы рассчитать на года.
Мог бы быть сегодня счастливым,
Кабы не сломался тогда.

Надо было не писать мелом,
Не гореть звездой на час.
Чёрным сразу быть или белым,
Чтобы не метаться сейчас.
Осень 1986 г., Новосибирск

Сладко петь

Мне бы сладко петь:
Не реветь, не хрипеть,
Малевать закаты и зори.
Заиметь гибкий нюх,
Ублажать тонкий слух,
Не тревожить рубцы и мозоли.

Мне б гордыню смирить,
Корни испепелить, —
Потакать разнузданной дряни.
Сунуть уши под плеть
И душой умереть, —
В кулаки не сжать
Сильные длани.

Эх, мне бы тихо прожить,
Рот песком заложить,
Заковать разум в звоны-вериги.
Молча слюни глотать,
Да всё прорехи латать, —
Не совать нос в крамольные книги.

¹⁰ В написании одного из куплетов этой песни автору помогли заглянувшие на репетицию КМ в Новосибирске Янка Дягилева и её подруга.

Ноябрь 1986 г., Новосибирск

**Ранним утром
(Колыбельная сыну)**

Ранним утром я отправлюсь
В дальнюю дорогу.
Ранним утром я оставлю
Душную берлогу.
Горсть тумана проглочу,
Вольно грудь расправлю,
Цепкий страх немых ночей
В зареве расплаваю.

Ранним утром в пыль стряхну
Ржавые оковы.
Ранним утром в явь шагну —
К горизонтам новым.
Воплем горло разорву,
Зло сверкну очами,
Захлебнусь в тугом Ветру
Ярыми речами.

Ранним утром по полю
Поспешу в рассветы.
Из острогов вызволю
Прадедов заветы.
Под знамёна соберу
Ясные зеницы,
Тех, кого клещами жгли
Мокрые темницы.

Ранним утром в топоте
Выгнутся равнины.
Ранним утром в рокоте
Затрещат теснины.
Надоело дёргать мозг
Робкими стихами,
Надоело битым быть
Злыми батогами.

Други-братья, время цвеств
Боевому стягу!
Время – через тьму пронести
Нашу к Солнцу тягу!

Точит зубы, скалит пасть
Лютых псов орава.
С ними насмерть бой держать
Внукам Святослава!

Ноябрь 1986 г., Новосибирск

Сибирский марш

Шпоры впились в бока,
Слышны крики: «В галоп!»
Закусив удила,
Под бичи ставим лоб.
Горб растёт с каждым днём,
На лице след ярма.
Разглядел бы надежду в глазах
Легендарный Ермак.

За стеною – стена,
За бедою – беда.
А сдыхать не дают —
Вот твоя лебеда.
Роль довеска калечит
Хуже всяких цепей.
Ересь треплет мозги от Оби
До Аргунских степей.

Говорят – когда плачешь,
То легче терпеть.
Ну, а коли нет слёз,
Путь один – надо петь.
Связки стянуты в узел,
От бессилия пьём.
Но сомнения – стоит ли жить? —
Не колеблясь, убьём.

Наша мать – Сибирь,
А Урал нам отец.
Здесь зубами скрипят,
Когда мёдом льёт льстец.
Десна кровоточат,
В пыль истёрлись клыки.
Гнев лишает сна
Затхлых берлог, —
Мы точим штыки.

Нам пресытило тлеть.
Затрещали горбы.
Мы готовы гореть.
Скулы сводит: «В дыбы!»
В ваших силах
Умелой рукой пламя сбить.
Но когда умрут наши костры,
Вас станет знобить.

Породнил нас январь.
Ритуал был не нов.
Слышишь, брат, мы простились,
Чтоб свидеться вновь.
Мы пытаемся встать,
Не мешайте нам встать.
Вы сосали из нас
Столько лет,
Пришло время – отдать.
Февраль 1987 г., Новосибирск

Честное слово

Посвящение Джиму Моррисону

В городе Париже в начале июля
Я столкнулся с ним, когда играл в прятки.
Он рвал свои стихи, пил дешёвые виски
И плакал...
Его поджидала смерть – и он знал об этом.
Его лицо, изрытое траншеями сомнений,
Успокоилось, покрылось слоем мела.
Я спросил в упор: – Куда ты собрался?
Он шепнул: «...на небо», – и улыбнулся...
Честное слово! Честное слово!
В душном июле я запомнил, как он умирал.

От снов до вдохновения целая вечность —
Я трижды мог пропасть, пока её мерил, —
Звериное чутьё выручало в слепой дороге.
Я встретил могикиан, для которых честь – табу,
И холёных фаворитов, что бесятся жиром.
У первых был внимательным учеником,
Вторым вгрызался в глотку дикой собакой.
Издёрганный молвой о распятой любви,
Израженный баграми языкастых пророков,
Я медленно ступал по дымящей земле
И мучился жаждой.

Может быть, мне просто повезло —
Воронью всему назло
Мне не дали сгинуть в прорве дней,
Помогли залечить раны.
По тропинкам узким и шальным,
По обрывам ледяным
К родникам живым провели меня
Мимо зоркой охраны.

Я припал к воде запёкшимся ртом
И жадно пил, глотая своё отраженье.
Да видно перебрал живительной влаги —

Меня начал бить озноб.
В памяти кипел раскалённый июль,
Париж не поперхнулся своею жертвой.
Я решил двигаться, чтобы согреться,
Я начал двигаться, чтобы согреться...
Честное слово! Честное слово!
Я не хочу умереть в ожидании Солнца!
Февраль 1987 г., Новосибирск

Вымыты дождём¹¹

Вымыты дождём волосы,
Мечены огнём возгласы.
Пробована соль скулами,
Выплеснулась боль струнами.
С ясным месяцем под руку
Взглядом оживил гниль-труху.
Бросил в борозды семена,
Гордо проросли имена.

Да только Ветер в грудь,
Студёный Ветер...

Он за год постарел на десять лет,
Он Солнце застудил в сырых погребках,
Он скорбь захоронил в ядовитых хлебах.
Когда он проходил – ему смотрели вслед.
За год постарел на десять лет,
За год облетел родимый край.
Не хочешь – выбирай!
Не хочешь – выбирай!
Он за год постарел на десять лет.

Да только Ветер в грудь...
Всё тот же Ветер!
Мёртвым полем,
Гиблым полем
Чист и светел
свежий пепел —
Он ко мне пришёл.

Видно, суждено моей земле страдать,
Дурью задышаться, пот и слёзы глотать,
Косы заплетать мором да голодом,
Язвы прикрывать Москвой – Ленинградом.
Княжеским холуям ставить сытые хоромы,
Черни выпекать коренные переломы.

¹¹ Песня написана ко дню рождения Александра Башлачёва, в июне в Питере спета. По легенде, СашБаш оттащил автора за волосы.

С мясом вырывать языки храбрецам,
Ордена цеплять великим подлецам.
Видно, суждено моей земле страдать,
И что с нею будет – можно лишь гадать.
А пока во власти исторических моментов
Ворошить золу лихих экспериментов...

Вымыты дождём волосы,
Мечены огнём возгласы.
Мечены огнём возгласы,
Вымыты дождём волосы.
Апрель 1987 г., Новосибирск

Вышло наоборот

Думали, петь
вечно будем,
В низкой избе
уподобимся Будде —
Вышло наоборот.

Думали, рать
выступит следом,
Всех не сожрать —
разгорается лето —
Вышло наоборот...
Апрель 1987 г., Новосибирск

Полоняне

Эх, занесли кони вороные...
А когда запрягал —
Крупы спели яблоком.
Ох, вшей не простят головы шальные.
А когда завлекал —
Обещал дом облаком.

Эй, полоняне!
Кончено – свободны...
Возвращайтесь к очагам прежним.
Эй, полоняне!
День заснул холодным —
Только слёзы по щекам-лежням
бегут,
и желтеют травы,
пекут
душу угли славы.
Ночь...

Ох, замутил воду в быстрой речке.
А когда брал весло —

Струи бились светлыми.
Ох, жизнь просидел соколом на печке.
А когда херил зло —
Думал, в паре с ветрами.

Эй, полоняне!
С дурня спрос короткий.
Засыпайте боевые рвы.
Эй, полоняне,
Берегите глотки!
Облизнулись золотые львы —
стоят,
чтоб им пусто было, —
таят:
душу зазнобило.
Ночь...

Ох, не верьте мне,
Ох, не верьте мне —
Я не чище ворона,
Я не чище ворона.

Ох, занесли кони вороные.
А когда запрягал —
Крупы спели яблоком.
Ох, вшей не простят головы шальные.
А когда завлекал —
Обещал дом облаком —
Смотри! —
Трупы на щитах красных.
Смотри! —
Весело в лаптях грязных.
Смотри! —
Трупы на щитах грязных.
Смотри! —
Весело в лаптях красных.

Ох, не верьте мне....
Июнь 1987 г., Новосибирск

Останься здесь

Тобой уходило последнее лето
Без молитв – вдохом в никуда.
Взамен оставалась осень-калека.
Чахли рыжие узоры...
Ручьи вымерзали, леса вымирали.
Шут без крика щёки прокусил.
СОЛНЦЕ, ОСТАНЬСЯ ЗДЕСЬ!

Там, где треском лопнула рогатина дорог.
Там, где небо дрогнуло – не твой ли, парень, срок?
Где рассветы выдохлись раскладам вопреки —
Витязи костями легли.
Там, где ветер вылизал гранит седых гольцов,
Там, где месяц вырезал ватаги удалцов,
Где рога не вспомнили несметные стада —
Отплясал черт босиком, сунул в рот повесе ком
Стыда.
Где пугает радуга отряженных решать,
Где уродов радует неследственный лишай,
Там, где воля Мстителя проклятье навлекла —
Сокол износил крыла.

Плыть вниз
мутной рекой.
Скрыть сны
утлой клюкой.
Мерить трясину дном,
Мели крестить нутром
Вместе с тобой,
Только с тобой
Вдвоём...
ОСТАНЬСЯ ЗДЕСЬ!
Лето 1987 г., Новосибирск

Вольница

Вспомни – бредил
Запорожской Сечью,
Вспомни...
Ковш горилки крепкой,
Звонкие бандуры,
Песни до утра,
Пока льются пули.
Вспомни! Бредил
Запорожской Сечью!
Вспомни!
Буйный оселедец,
Други боевые...
Струги скорые,
Шеи голые —
Воля!

Наша Вольница без одежд пришла
В край, где верили, где варили всласть.
Скорые до рук, до расправ-улад,
Локти выголив, порезвились всласть.
Наша Вольница болью корчилась,
Шарил грудь свинец, шею сук искал.

Выкормыши бед тенью Кормчего
Шабаш правили в долгих сумерках.
Нашу Вольницу Ветер выплюнул,
Отрыгнул Огонь прелым порохом.
Выструнили псов гимны выть в плену, —
Не изранить жуть нервным сполохом.
Чох!¹²

Наша Вольница бьёт поклоны лбом,
Колья рабские вбиты молотом,
Крылья дерзкие срезаны серпом,
Горло стянуто тесным воротом.
Наша Вольница зарешёчена,
Меченых аркан в темноте настиг, —
Кость шербатая, кнут-пощёчина,
Стражи верные безмятежности.
Нашу Вольницу Ливень выхлестал,
Отрезвила хмарь тёплой водкою,
Выцвели шелка хором выкрестов¹³,
Вехи топлены липкой рвотою.
Чох!

Наша Вольница без одежд пришла,
Наша Вольница болью корчилась,
Наша Вольница бьёт поклоны лбом,
Наша Вольница зарешёчена...

...Ястребы арканов,
Холод ятаганов...

Лето – осень 1987 г., Забайкалье, Новосибирск

Сентябрь

Сентябрь раздел яблони,
Зашёлся дождём едким.
Простуженный день я бранил —
Не чувствовал рот метки.

Дорогу кромсал тропами,
В застолье водой грезил.
Цеплял облака стропами,
Крестился серпом лезвий.

Измену глотал хлопьями,
Грехи доверял лупам.
В бессилии тряс копытами,
Глаза закрывал трупам.

И липла молва стружками,

¹² Чох! – (тюрк.) «много»; ср. *чо́хам* – «всё вместе», «целиком».

¹³ *Выкресты* – перешедшие в христианство из другой религии (чаще всего подразумеваются иудеи).

Слова рваных губ бог крал.
Глотавших меня кружками,
Последний поэт проклял.

Сентябрь раздел яблони,
Достатком забил вёдра.
Когда в череп твой я проник —
Убит был рукой твёрдой.
Август 1987 г., Забайкалье

Метельщик

В пыль бросались из тесных гнёзд,
Рот венчали отметиной,
В сердце каждый занозы нёс,
Чаща выдышей¹⁴ встретила.

Лес валили с матерщиной
В мокрый вечер, в безлуние,
По рецепту Метельщика
Баню ставили – унию¹⁵.
Воду грели студёную,
Камни-груди калили в мел.
В полночь грянули тёмную —
В полночь каждый дерзать посмел.
Паром шкурили лёгкие,
Щёки драли от плесени,
Жгли горб веники хлёсткие,
Распрямялись болезные!
Кто дерзнул прорвать запруды!
Кто взбурлил сугроб нутра!
Бубен вымытых сгрудил в круг
Покориться табу костра.
В узел сбились поводья рук —
Клятву принял навар котла.
Локти гнули объятьями,
Вены с хохотом резали.
Утро встретили братьями,
Утро встретили трезвыми.
Кто не хотел быдлом подыхать!

Ох, неуютно на родной земле —
Под утренним Солнцем.
Ноябрь 1987 г., Новосибирск

Мы с тобой

¹⁴ *Выдышии* – неологизм Ревякина, основанный на созвучии слов «выкормыш», «выкидыш», «выкрест» и глаголов «выгладать», «дышать».

¹⁵ *Уния* – (от лат. unio) то, что объединяет, сплачивает.

Мы с тобой не дождёмся разгула весны,
Не увидим высокого неба.
Не вдохнут пьяный воздух калеки-сыны,
Не черпнут в пир шеломами¹⁶ Днепр.

Добровольно изгонимся в скиты-кусты
Удавиться в петле вакханалий.
И потомки в могильные плюнут кресты,
Мёртвых вырядят в маски каналов.

Канем в проруби лет без помин, без кутьи —
Онемеют свидетели разом.
Разровняет могилы бульдозер судьи,
Не смутит слеза улово¹⁷ глаза.

Чередой зубы выпадут с прелой десны,
Не вонзятся в круг тёплого хлеба.
Мы с тобой сгинем ржой у порога весны —
Закоптив дно тяжёлого Неба.
Январь 1988 г., Новосибирск

Порог сорока

Меня имена,
Одни и те же устремляются в легенду.
В любые времена
До слёз похожие, стартуют к облакам,
Униженной, истерзанной Земле
Сердца сдают в аренду.

Спасительным дождём
Одни и те же льют в широкие ладони.
Крылатый мозг рождён
Окрасить сумерки, раздвинуть берега.
И соколом пронзает небо крик —
И в рабском мясе тонет!

У сытых вырастает в горле кость.
В утеху позволяют всходам вызреть, —
С упрямым полем справится покос,
Оратаев¹⁸ настигнет точный выстрел.
И падким до рифмованных сенсаций,
Тела выносит пьяным рёвом «Бис!» —
Волна самоубийств...

С легендами останутся долги,

¹⁶ *Шелом* – (устар.) шлем.

¹⁷ *Улово* – тихое глубокое место в реке, заводь, ср. однокоренные «улов», «ловушка».

¹⁸ *Оратай* – (устар.) землепашец.

Тугие сплетни вокруг голов разбитых;
Останутся сиротами колки
И жены – не прорвавшиеся в титры...

Ветер, будь добрее – прости своих сыновей.
Запомни тех, кого погребли облака,
Кто вызвать гром зимою рискнул,
Кому не довелось перешагнуть
Порог сорока.
Январь 1988 г., Новосибирск

Не придёт пора

Выдавят испарину хищные взгляды,
Сгинут непонятные стопами рядом.
Ров у реки – пни да коряги,
Здесь сопляки-соколы лягут
Плечо в плечо.
Выпьют беды хохотом гулкие души,
Палево нутра поздней клятвой притушат.
Лопнет воротник у беспутного брата,
Надвое разрубит век секира-расплата.
Высохнет кулак бесполезною дракой,
Свяжет День грозу свежерубленой плахой.
Пеной пустой выкипят крики;
Кто в зыбь-устой видел великим
Слово своё,
Дело своё,
Имя своё!
Не придёт пора отвечать за потеху —
Не придёт пора...
Апрель 1988 г., Москва

Дикарь

Константину Кинчеву
Как заварена каша громкая —
Шевели дрова, рты слюной кипят.
Крутит Дон чубы, Волга окает —
Распоясались с головы до пят.
Где в горячих снах сила бражная
С высоты побед знай плюёт.
А в беззубых днях голь овражная
Глушит горькую да блюёт.

Вижу в плеске знамён хищный блеск топоров
Насыпает курганы безумных голов.
Полыхают пожары, ноздри рвёт гарь —
В пекле место твоё, последний дикарь.
Лето – осень 1987 г.

Казак

Александру Баилачёву

Когда простреленный навывлет казак
оставлял скакуна,
В пылу на камень налетела коса
разгул унять.
Когда мирянам не хватило слюны
проглотить соль молитв,
Твой русский голос в хохот ерни-Луны
стал темней смолы.

В тот год цыганы не гасили костры,
торопились на юг.
Ножи весною оказались остры,
проклюнул нюх.
Не удержала в чёрном теле узда
сумасбродную голь.
В тот год без волокит младенца уста
запечатал колыт.

Пропетый висельник скользил каланчой
по широкой реке.
Округи щерились ордой-саранчой
по грудь в грехе.
Земля бессильной самкой слёз запаслась,
заскулила от ран.
Певец упрятал вычет в омуты глаз,
прошагал в Иран.
Ша, дотошный юноша...

В пир историй
Кто чего стоит, —
Спрашивай у могил.
Нестор резвый,
Озаглавь срез вый, —
Зрячему помоги.

Где мордует осень,
Бились грудью оземь.
В кровь разбили лица
Думой примириться.
Тешились Колочей¹⁹ —
Вытек глаз Кирочей²⁰ —
Где снега раздеты,
В голос воют дети.
Лапти износили

¹⁹ *Колоча* (Колочь) — река в Московской области, протекающая через Бородинское поле.

²⁰ *Кироча* — село в Шилкинском районе Забайкальского края.

В поисках России.
Душу в клочья рвали,

Выродились в тварей.
Край, где правит ноготь,
Светлым одиноко
Не расправить плечи,
Нерв трубою лечат.
Я и сам помечен
Одичалым смерчем.
В сочных травах, Ольга,
Кто нам крикнул: Горько!²¹

Не смог обрезать уши в пепельный звон
Горемыка-юнец.
Тягучим дёгтем поженил голос свой,
сгрыз губ пунец.
Где чрево матери вспорол таган свай,
копоть смыла слеза.
Там степью утренней хозяина звал
сирота-рысак.

День промозглый выпался,
Как тонул в любви босяк,
Краем стола лоб рассечен.
Не согреешь голого,
Пальцы стынют оловом.
Снял с бедолаг пробу сечень²².
Лето – осень 1988 г.

Тяжёлые медали

Тяжёлые медали
врасплох меня застали —
Кто думать мог?

²¹ В студийной записи этой песни после данной строки звучит не отражённое в тексте: «Перес де Куэльяр». *Хавьер Перес де Куэльяр* – перуанский дипломат, на момент написания песни генсек НАТО.

²² *Сечень* – славянское название месяца февраль. 17 февраля 1988 г. в Ленинграде, выпав из окна 8-го этажа, погиб Александр Башлачёв.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.